

РАТИФИКАЦИЯ И РЕАЛИЗАЦИЯ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО ДОГОВОРА 1700 г.: ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ МОДЕЛИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РОССИИ И ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

Гуськов Андрей Геннадьевич

Институт российской истории Российской академии наук,
Москва, Россия
guskov-andrei@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основные условия Константинопольского мира 1700 г., анализируются его результаты как для Российского государства, так и для Османской империи. Прослеживается процедура ратификации соглашения русским царем и турецким султаном, а также работа пограничных комиссий по обозначению общей границы. Впервые комплексно исследуется вся процедура введения в действие договора, завершившего Русско-турецкую войну 1686–1700 гг. Особое внимание уделяется механизмам осуществления организационных мероприятий по его ратификации и реализации. Проведенное исследование позволило прийти к выводу об установлении, впервые в истории, общей официальной сухопутной границы между двумя странами. В результате произошло формирование новой модели взаимоотношений, в которой уже не оказалось места для таких «второстепенных субъектов международных отношений», как Крымское ханство, Запорожское и Донское войска. Еще одним итогом событий, ставшим отдаленным предвестником гибели Крымской державы, стало нарушение старых сухопутных маршрутов связи полуострова с Кубанью. В работе использовались как уже опубликованные источники (переписка Петра I, текст договора), так и архивные материалы (списки договора, ратификационные документы, бумаги межевых комиссий и т.д.), часть из которых вводится в научный оборот.

Ключевые слова: Константинопольский мирный договор, Е.И. Украинцев, И. Чередеев, Русско-турецкая война 1686–1700 гг., ратификация, Азов, Казы-Кермен, Д.М. Голицын.

RATIFICATION AND IMPLEMENTATION OF THE TREATY OF CONSTANTINOPLE OF 1700: FORMATION OF A NEW MODEL OF RELATIONS BETWEEN RUSSIA AND THE OTTOMAN EMPIRE

Guskov Andrey G.

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
guskov-andrei@mail.ru

Abstract. The article examines the main conditions of the Treaty of Constantinople in 1700, analyzes its results for both the Russian state and the Ottoman Empire. It traces the procedure of the ratification of the agreement by the Russian tsar and the Turkish Sultan, as well as the work of border commissions on the demarcation of the general border. For the first time, the whole procedure of implementing the treaty that ended the Russian-Turkish War of 1686–1700 is comprehensively investigated. Special attention is paid to the mechanisms for the implementation of organizational measures for the ratification and implementation of the treaty. The research made it possible to come to the conclusion that the treaty for the first time in history established a common official land border between the two countries. As a result, there was a formation of a new model of relationships in which there was no longer a place for such “secondary subjects of international relations” as the Crimean Khanate, Zaporizhzhya and Don troops. Another outcome of the events, which became a distant harbinger of the death of the Crimean power, was the violation of the old land routes of communication between the peninsula and the Kuban. The work used both already published sources (correspondence of Peter I, the text of the treaty) and archival materials (lists of the treaty, ratification documents, papers of boundary commissions, etc.), some of which are being introduced into scientific circulation.

Keywords: Treaty of Constantinople, Peter I, E.I. Ukrainians, I. Cheredeev, The Russo-Turkish War of 1686–1700, ratification, Azov, Kazi-Kermen, D.M. Golitsyn.

Цитирование: Гуськов А.Г. Ратификация и реализация Константинопольского договора 1700 г.: формирование новой модели взаимоотношений России и Османской империи // Новое прошлое / The New Past. 2022. № 4. С. 114–129. DOI 10.18522/2500-3224-2022-4-114-129 / Guskov A.G. Ratification and Implementation of the Treaty of Constantinople of 1700: Formation of a New Model of Relations between Russia and the Ottoman Empire, in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2022. No. 4. Pp. 114–129. DOI 10.18522/2500-3224-2022-4-114-129.

© Гуськов А.Г., 2022

3 (14) июля 1700 г. в Константинополе (Стамбуле) состоялось подписание 30-летнего перемирия между Россией и Османской Портой, завершившего Русско-турецкую войну 1686–1700 гг. Его условия были сформулированы в 14 статьях и заверены подписями и печатями: с российской стороны – чрезвычайных посланников думного советника Е.И. Украинцева и дьяка И. Чередеева, с османской – турецких представителей (великого визиря Хусейн-паши – на экземпляре на турецком языке, «думных людей» – на латинском списке). Каждая их сторон подписала и заверила собственный экземпляр мирного соглашения, обмен которым состоялся 3 июля [РГАДА, ф. 89, оп. 1, кн. 27, л. 1052об.–1078об.]¹. Договор завершил Русско-турецкую войну 1686–1700 гг., являвшуюся частью противостояния стран антитурецкой коалиции (Священная Римская империя, Римский Папа, Польша, Венеция, Россия) с Османской империей и ее вассалами (Великая Турецкая война 1683–1699 гг.) [Гуськов, Кочегаров, Шамин, 2020, с. 30].

Согласно «мирным статьям» между государствами прекращалась «всякое неприязнство и недружба». Происходило установление «покоя и тишины, и права безопасности и пользы». Оговаривалась возможность продления перемирия по желанию сторон (статья 1). Днепровские городки («Тавань, и Казы-кермень, и Нустрет-Кермень, и Сагинь-Кермень»), захваченные российской армией в 1695 г., подлежали полному разрушению с передачей окрестных земель Османскому государству. Строительство на их месте какого-либо опорного пункта запрещалось: «впредь никогда... никакому поселению не быть». Разорение должно было совершиться в 30-дневный срок после получения ратификационной грамоты (статья 2) [РГАДА, ф. 89, оп. 1, кн. 27, л. 1054–1055об.; ПСЗРИ, 1830, с. 67–68].

Для обеспечения переправы через Днепр «на середке меж Ачаковым и разоренными Казыкерменскими городками» туркам разрешалось основать небольшое село с оградой. Здесь запрещалось строить какие-либо укрепления, устанавливать артиллерию, дислоцировать войска или боевые корабли (статья 3). Город Азов с прилегающими территориями, включая «старые и новые городки... или земля, или вода», официально становился владением царя (статья 4) [РГАДА, ф. 89, оп. 1, кн. 27, л. 1055об.–1056; ПСЗРИ, 1830, с. 68].

Подданные обеих сторон должны были соблюдать «безопасный и крепкий... покой, почивания и тишины», а от какого-либо «своеволия да удержаны будут». Между населенными землями обеих государств, включая территорию Крымского ханства, определялось пространство, являвшееся буферной зоной: «земли пустые и порожие и всяких жилцов лишены да пребудут». Такие земли устанавливались: 1) между рубежом, находившимся в 12 часах езды от Перекопа вдоль «заливы Перекопской», и новым русским городком на р. Миос, 2) между Запорожской Сечью и Очаковым (исключая село из статьи № 3). Эти пространства могли свободно использоваться для хозяйственных нужд без уплаты пошлин: охоты, рыбной ловли, заготовки дров и сена, добычи соли и меда. Также разрешался выпас скота для крымских жителей

¹ Подлинник грамоты на турецком языке, находившийся в РГАДА [РГАДА, ф. 89, оп. 3, д. 7], передан в МИД СССР по акту от 19.06.1952 г.

(статьи 5–6). К востоку от Азова со стороны Кубани к России отходили земли на 10 часов «ездою конскою обыкновенным... обычаем». Здесь размежевание границы «с положением явных знаков» предполагалось осуществить с помощью специальных комиссаров. Под угрозой «прежестокого» наказания запрещались нападения друг на друга как подданных царя, так и подвластных османам народов (статья 7) [РГАДА, ф. 89, оп. 1, кн. 27, л. 1056об.–1058об.; ПСЗРИ, 1830, с. 68–69].

Окончательно отменялась «дача, которая по се время погодно давана была» крымскому хану: «...или прошлая, или ныне, или впредь...» от московского государя и от его наследников. Подтверждался категорический запрет походов и набегов. Нарушителям грозила суровая расправа «по тягости вин своих без пощады», вплоть до смертной казни. Все споры и разногласия предлагалось решать на мирных переговорах с «порубежными» главами администраций (статьи 8, 11). Обмен пленников проводился либо «честною разменою» (т.е. равноценно по количеству людей и их статусу), либо через выкуп. Все невольники, захваченные после заключения мира, подлежали освобождению без каких-либо условий. Единственным препятствием, исключавшим возвращение в Московское государство, являлся переход из христианства в мусульманство. Что любопытно: обратная ситуация отдельно не оговаривалась (статья 9) [РГАДА, ф. 89, оп. 1, кн. 27, л. 1058об.–1062об.; ПСЗРИ, 1830, с. 69–71].

Вопрос о торговле был отложен до будущего посольства, которое должно был привести ратификацию мирного соглашения (статья 10). Любым представителям «московского народа», отправляющимся в паломничество, разрешалось свободно посещать в Иерусалиме «места, достойные посещения» (т.е. Святые. — А.Г.) (статья 12). «Для творения и подвижения надобных дел» в Стамбуле создавалась российское представительство. Сроки его появления указывались крайне расплывчато: «когда надобно будет». Царский «резидент» и его служащие («толмачи») получали «свободы и привилегии», аналогичные европейским миссиям. Особо оговаривалось разрешение на беспрепятственный проезд гонцов с дипломатической почтой (статья 13). Не позже чем через 6 месяцев с момента отъезда посланников царский великий посол должен был привезти в Константинополь ратификационную («подтверженную») грамоту, забрав обратно «салтанскую утверждающую». И лишь после обмена ратификациями соглашение о 30-летнем перемирии официально вступало в силу (статья 14) [РГАДА, ф. 89, оп. 1, кн. 27, л. 1062–1064; ПСЗРИ, 1830, с. 71–72].

После торжественного обмена экземплярами договора Е.И. Украинцев, почти год распутывавший паутину «восточной дипломатии» в тяжелейших условиях, выступил с речью, где не скупился на хвалебные слова в отношении роли великого визиря в подписании мирного трактата. Именно он, по мнению русского дипломата, «усмотрел... высоким благоразумием своим», что «всякая долгая и великая война сканчивается миром», а «кто мир презирая, желает славы, и тои и мир погубляет и славу». Недаром кто-то «от премудрых» сказал: «понеже мир в твоих, а победа в

Божиих руках». В ответных словах визирь согласился, что «по истине де всегда мир лучше болших побед» [РГАДА, ф. 89, оп. 1, кн. 27, л. 1043–1044].

Главным итогом заключенного договора можно считать урегулирование территориальных вопросов, вокруг которых на переговорах и происходили основные разногласия. В восприятии турок возвращение земель по Днепру и потеря Азова с окрестностями стали ключевыми позициями 30-летнего перемирия. Об этом свидетельствует письмо А. Маврокордато к английскому послу лорду У. Пэджету, где из всех условий подписанного соглашения упоминаются только эти два [Cernovodeanu, Caratafu, 1984, p. 346].

Для российской стороны понимание основных результатов мирного соглашения было более широким, о чем свидетельствуют несколько черновых отпусков указов Посольского приказа. Во-первых, и здесь наблюдается полная солидарность со Стамбулом, произошла фиксация изменения границ государств: Россия получала Азов и возвращала Поднепровье. Во-вторых, прекращались выплаты крымскому хану: «дачу крымскую, которую ханы с Московского государства имывали, ныне и впредь и за прошлые годы отговорил и отставил». В-третьих, чрезвычайный посланник «договорился и постановил» русских пленных «проведывать и откупать» во всех подвластных османам землям, чтобы «ездить и о свободе их промышлять и в Русь вывозить невозбранно». В-четвертых, урегулировалось совместное использование нейтральных территорий. При этом «его царского величества всяких чинов подданным» (в других случаях — «запорожцам») разрешалось свободно заниматься разнообразным промыслом: «дрова сечь, пчелики держать, сено косить, соль возить, рыбную ловлю чинить и в лесах ловлю звериную творить». Крымские же жители «для тесноты крымского острова» могли за Перекоп на пастбища «выгонять» скот и иных животных [РГАДА, ф. 89, оп. 1, 1699 г., д. 4, л. 228–230, 232–237, 259–261, 268–274].

В целом можно сказать, что русские посланники выполнили основную часть задач, поставленных перед ними Петром I. Сохранить за Россией занятые территории удалось не в полной мере. Однако возвращение туркам поднепровских земель с одновременным разорением местных городков-крепостей позволило снизить набеговую активность крымских охотников за добычей, что подкреплялось угрозой жестоких казней за нарушения мира со стороны представителей власти обеих сторон. Из полностью нереализованного можно отметить вопрос о торговле по Черному морю, отложенный до будущих посольств, и ситуацию с защитой православных подданных султана и принадлежностью Святых мест в Иерусалиме.

Гонцы, возглавляемые стольником Г.Р. Украинцевым и сержантом Преображенского полка Н. Жерловым, с информацией о заключении мира отправились в путь 7 июля 1700 г., т.е. через четыре дня после подписания соглашения. М.М. Богословский высказывал даже некоторое удивление данной отсрочкой: «Вопреки всем ожиданиям Украинцев и с этим не торопился» [Богословский, 1948, с. 248]. На самом деле задержка объясняется подготовкой посланником более подробного отчета о ходе

проведения многомесячных переговоров с передачей краткого содержания предыдущих посланий¹. Представляется, что для русского дипломата на первом месте стояло составление точного разъяснения всех обстоятельств дела и причин задержки с подписанием трактата, а не спешка с отправлением сеунча. Какое-то время также заняло составление копий договорных статей и шифрование объемного донесения, что было характерно для всей почты, отправляемой из Константинополя.

В источниках встречаются две даты получения в Москве известия об окончании войны с турками, которые в дальнейшем фигурируют в историографии. Первая — 9 августа 1700 г. — определяется по двум письмам Петра I (к князю Ю.Ю. Трубецкому и польскому королю Августу II), заверенным этим числом: «Ныне мы получили ведомость с нарочным гонцом из Константинополя, что мир с турки получили на 30 лет...» и «Ныне же, при помощи Божии, получа мир с Портою». Одновременно в обоих посланиях царь пишет и о начале конфликта на севере: «...и ныне мы, при помощи Божей, начали войну против шведов...» и «...указ послали, дабы как наискорее, объея войну...» [ПБПВ, 1887, с. 382–383]. Вторая — 18 августа 1700 г. — указана в письме монарха к Ф.А. Апраксину, датированном 22 августа: «Мы здесь в 18 день объявили мир с турки [зело с преизрядным фейрверком]; в 19 день объявили войну против шведов...» [ПБПВ, 1887, т. I, с. 384]. Последний вариант подтверждается указом от 19 августа 1700 г. о нападении на «Свейскаго короля городы» и объявления о сборе ратных людей Московского государства [ПСЗРИ, 1830, с. 74–75].

Из документов, связанных с приездом гонцов, выясняется еще одна их дата прибытия в Москву — 16 августа. Она фигурирует в письме Е.И. Украинцева к царю [РГАДА, ф. 89, оп. 1, 1699 г., д. 4, л. 186], а также в черновых отпусках указов из Посольского приказа в Разряд и Казанский дворец [РГАДА, ф. 89, оп. 1, 1699 г., д. 4, л. 228, 232, 236]. Во всех случаях под фразой «августа в 16 день писал к великому...», согласно делопроизводственной практике, подразумевается дата получения послания в приказе.

Такое разночтение в датах можно объяснить получением Петром I 9 августа известия о мире, посланное «наскоро» с вестником, которое несколько опередило прибытие Г.Р. Украинцева и Н. Жерлова. Оно могло быть послано от И.С. Мазепы или самих гонцов. Получив его, царь начал подготовку к войне, написав депеши Ю.Ю. Трубецкому, Августу II и новгородскому воеводе и одновременно направив в Ижорскую землю Я. Брюса (о чем и говорится в посланиях монарха от 9 августа). 16 августа прибыли гонцы, которые привезли официальные бумаги от чрезвычайных посланников и копии трактата. И уже на их основании Петр I 18 августа торжественно возвестил о заключении мира с турками (с салютом), а на следующий день официально объявил войну Швеции.

¹ Подробная отписка сохранилась в составе статейного списка миссии [РГАДА, ф. 89, оп. 1, кн. 27, л. 1090–1129об.] и была опубликована Н.Г. Устряловым [Устрялов, 1858, с. 543–551]. Также удалось обнаружить еще два письма Е.И. Украинцева к царю, посланные с Н. Жерловым и Г.Р. Украинцевым: 1) от 7 июля 1700 г. [РГАДА, ф. 89, оп. 1, 1699 г., д. 7, л. 578–579]; 2) полученное в Москве 16 августа 1700 г. и включающее краткое содержание писем за год (с 28 августа 1699 г.) [РГАДА, ф. 89, оп. 1, 1699 г., д. 4, л. 186–208а (беловик) и л. 209–224/227 (черновой отпуск)].

Оригиналы (на турецком и латинском языках) соглашения с Османской империей и сопроводительные грамоты привезли сами посланники, которые вернулись в Москву 10 ноября 1700 г. Этой же датой помечена в Посольском приказе часть переводов: «Перевод с листа турецкого великого везира, каков писал с чрезвычайными посланниками... в нынешнем в 1700-м году ноября в 10 день» [РГАДА, ф. 89, оп. 1, 1699 г., д. 4, л. 262, 266]. 15 ноября дипломаты передали подлинники документов в Посольский приказ [РГАДА, ф. 89, оп. 1, кн. 27, л. 1285об.], где им было предписано собираться в поездку под Нарву (Ругодив) для личного доклада царю. Однако путешествие не состоялась из-за поражения русских войск от шведов под стенами осажденной крепости [Базарова, 2021, с. 196].

Есть вероятность, что выезд Д.М. Голицына (будущего посла с ратификацией), Е.И. Украинцева и И. Чередеева в сторону зоны боевых действий все же произошел, хотя поездка была прервана в дороге. В бумагах сохранились отпуски указов и памяти о выделении 64 подвод и выдаче проезжей грамоты. Кроме того, имеются два перевода с грамот султана и великого визиря, «...каков писал с чрезвычайными посланниками... в нынешнем в 1700-м году ноября в 30 день». Возможно, это следы повторного приезда (возвращения) дипломатов в столицу [РГАДА, ф. 89, оп. 1, 1699 г., д. 4, л. 275–282, 297, 301].

Вскоре Петр I вернулся в Москву и 11 декабря 1700 г. в Преображенском Е.И. Украинцев получил аудиенцию, на которой передал грамоты православных патриархов для царя, царевича Алексея и патриарха Андриана [РГАДА, ф. 89, оп. 1, кн. 27, л. 1285об.].

Вопросы вооруженного противостояния со шведами занимали все помыслы Петра I, поэтому подготовка отправки посольства Д.М. Голицына с ратификационной грамотой началась лишь после встречи с чрезвычайным посланником. Для нивелирования возможного недовольства Высокой Порты задержкой в монаршем подтверждении мирного трактата с объявлением о предстоящем приезде великого посла 11 декабря в Турцию отправляют «в гонцах» подъячего Посольского приказа М.Р. Ларионова. На следующий день выходит указ о подготовке миссии Д.М. Голицына, но лишь 19 января 1701 г. он покидает столицу России [Базарова, 2021, с. 196–197]. «Утвердительная» грамота датировалась 30 декабря 1700 г. [РГАДА, ф. 89, оп. 3, д. 9], поэтому русский посол мог привести некоторые оправдания в частичном следовании условиям договора.

Из-за задержек в пути (по причине весеннего половодья) посольский «караван» Д.М. Голицына достиг Андрианополя, куда из Константинополя на жаркое время года перебирался османский двор, лишь в мае. 21 мая состоялся торжественный въезд в город, 9 июня – прием у великого визиря и 17 июня – передача ратификационной грамоты, вместе с поминками, турецкому султану Мустафе II. Вручение османской ратификации, символизировавшее вступление в силу мирного соглашения, произошло на последней аудиенции у турецкого правителя 7 августа 1701 г. Все дополнительные переговоры о разрешении проезда русским торговым кораблям через Черное море и принадлежности иерусалимских святынь, оставшиеся в подвешенном состоянии

после миссии Е.И. Украинцева, вновь окончились неудачей из-за нежелания турок идти на какие-либо уступки в этих вопросах [Базарова, 2021, с. 197–201].

«Подтвержденную» грамоту турецкого султана, датированную 25 июля 1701 г.¹, Д.М. Голицын доставил в Москву лишь в январе 1702 г. Все договора и грамоты, связанные с заключением 30-летнего перемирия, тогда же было указано передать для хранения и «бережения» на Казенный двор боярину князю П.И. Прозоровскому и «запечатать своею великого государя печатью» [РГАДА, ф. 89, оп. 1, 1699 г., д. 4, л. 283–284, 295–296].

Ратификация Константинопольского договора следующим султаном Османской державы Ахмедом III, вступившим на престол в августе 1703 г., затянулась на несколько лет. В декабре 1703 г. к Петру I была послана грамота, извещавшая о вцарении нового падишаха и содержащая обещание подтвердить «постановленный между обоими дворами мир и согласие» [РГАДА, ф. 89, оп. 2, д. 69]. Находившийся в Константинополе русский посол П.А. Толстой прилагал все усилия, чтобы сгладить возникавшие противоречия между двумя странами и добиться успеха. Его усилия долгое время оказывались тщетными и лишь 3 января 1710 г. завершились дипломатической победой: Ахмед III выдал грамоту с искомой ратификацией². В феврале гонец повез документ в Россию. Вместе с тем, уже 9 ноября того же года Константинопольский договор 1700 г. был дезавуирован объявлением Блистательной Портой новой войны Российскому царству.

Согласно условиям договора, российская сторона должна была оставить днепровские городки в течение 30 дней после «подтверждения» (ратификации) соглашения отдельным посольством.

Предварительная подготовка вывода войск и разрушения укреплений последовала сразу же по получении информации из Константинополя. Летом-осенью 1700 г. генерал князь И.М. Кольцов-Мосальский должен был совместно с полками И.С. Мазепы совершить поход для усиления днепровских городков. Однако 18 августа выходит указ, предписывавший генералу вместо «подкрепления» гарнизонов максимально быстро ликвидировать старые крепости («разорить, стены разбить и рвы засыпать»), одновременно скрытно организовав поиск места для нового укрепления около Запорожской Сечи [Великанов, 2019, с. 573].

Новый указ от 30 августа 1700 г. Ф.А. Головину, уже без апелляции к срочности, подробно описывал все мероприятия по отводу воинских отрядов и постройке нового опорного пункта. Из Тавани и Казы-Кермена все войска направлялись на территорию Российского государства: «воеводу... со всеми ратными людьми перевезть, ис тех же городков и пушки и осадные и полковые, всякие воинские наряды и ружье

¹ Подлинник грамоты на турецком языке, находившийся в РГАДА [РГАДА, ф. 89, оп. 3, д. 10], передан в МИД СССР по акту от 19.06.1952 г.

² Копия ратификации, подлинник которой был передан в МИД СССР 19.06.1958 г. храниться в РГАДА [РГАДА, ф. 89, оп. 3, д. 14].

и полковые всякие припасы и хлебные запасы перевести в Сечю». Одновременно уничтожались имеющиеся укрепления, а жителям указывалось, «чтоб они ис тех городков шли жить в ыные его великого государя... города и села...». И.М. Кольцов-Мосальскому и таванскому воеводе стольнику Ивану Опухтину предписывалось основать новое укрепление не далее чем в 10 верстах от Запорожской Сечи ниже по течению Днепра, которое могло вместить «в осаде» не менее 1 тыс. человек. Снабжение новоявленной крепости должно было осуществляться за счет вывезенных ресурсов. Из того же источника поставлялось продовольствие «на год и болши», которое обеспечивало бы гарнизон «из русских и гетманского регименту» во главе с полковником, «кого пригоже». Во избежание конфликтов о начале мероприятий обязательно требовалось поставить в известность («писать... ведомости») перекопского бея и очаковского «начального». Создание всей документации и, вероятно, координация действий возлагались на Посольский приказ, который должен был направить в Разряд «образцовые письма», одно из которых было составлено 9 сентября [РГАДА, ф. 89, оп. 1, 1699 г., д. 4, л. 240–250 (указ от 30 августа), л. 251–256 (черновой отпуск письма от 9 сентября)].

Задержка с отправкой ратификации в Константинополь (в связи с начавшейся Северной войной) и понимание нереальности постройки новой крепости в оставшиеся до начала зимы сроки привели к переносу реализации условий мирного соглашения с турками на следующий 1701 г. 15 октября И.М. Кольцов-Мосальский получает новое предписание о вывозе лишь половины ресурсов в Запорожскую Сечь с сохранением гарнизонов в Казы-Кермене и Тавани (разрушить было указано только заброшенные Нусреть- и Сагин-Кермени), что и было осуществлено им к декабрю 1700 г. [Великанов, 2019, с. 573–576]. Одновременно сын генерала стольник Я.И. Кольцов-Мосальский, проведя разведку местности вокруг «Запорогов», определил место постройки будущего опорного пункта, обозначенное затем в указе от 29 января 1701 г.: «от Сечи вверх на реке Днепр в урочище на горе у Каменного затону, в пристойном месте подле речки Белозерки, против Микитина рогу» [Аваков, Кочегаров, 2021, с. 70].

Ликвидация оставшихся крепостей – Тавани и Казы-Кермена – с выводом всех войск и вывозом припасов была осуществлена летом 1701 г. под руководством того же И.М. Кольцова-Мосальского. А в сентябре им была основана крепость, получившая название Каменный Затон (по соседнему гидрониму), в определенном еще зимой месте. В ноябре в завершённые укрепления вошел первый гарнизон [Аваков, Кочегаров, 2021, с. 71; Курбатов, Селезнев, 2018, с. 1112].

Переговоры об установлении границ между Османским и Российскими государствами проводились в 1704–1705 гг. Ситуация осложнялась различием в подходах для двух регионов. К югу от Азова граница проводилась на точно оговоренном расстоянии с установкой межевых знаков. Здесь Россия получала абсолютно новые земли и поэтому точность в определении переходящей территории имела ключевое значение. Другое дело – районы между Гетманской и Слободской Украиной и Северным Причерноморьем в бассейнах рек Южный Буг и Днепр. Через

эти территории постоянно совершались взаимные набеги запорожских казаков и крымских татар, а на хозяйственное использование богатых ресурсами земель претендовали обе стороны. Нейтральный характер буферной зоны, где «земли пустые и порозжие и всяких жилцов лишены...», определялся отсутствием четких границ. Это позволяло заниматься там разнообразным промыслом по заготовке дров, сена, меда и т.д., который активно осуществлялся именно подданными его царского величества. Татарскому же населению с его кочевым образом жизни интерес представляли лишь пастбища для выпаса скота.

Как следствие, переговоры в первом регионе прошли успешно за один раунд и к осени 1704 г. были благополучно завершены. Российскую сторону на размежевании возглавлял азовский губернатор И.А. Толстой, турецкую – мухамет-паша Ачуева Хасан-паша. Комиссаров сопровождали воинские отряды, насчитывавшие 1–2 тыс. человек с каждой стороны [Аваков, 2011, с. 213–214]. Еще 30 августа 1704 г. И.А. Толстой получил предписание из Посольского приказа (по указу от 11 августа) о начале размежевания. После предварительных переговоров с ачуевским «владельцем» 9 октября переговорщики съехались на реке Ея. Измерение оговоренных в договоре 1700 г. «10 часов ездой конною» после долгих споров было возложено на специальных представителей – полковника Николая Васильева и Хаплар Кеяса Ахмеда-агу (каждого сопровождало по три спутника¹), которые «с часами» направились обратно к Азову. 11 октября они, отметив точное время старта, поехали «Кубанской дорогою» в юго-западном направлении. По прошествии 10 часов каждая группа остановилась: российская оказалась за рекой Ея в 5530 саженях, турецкая – перед ней в 1350 саженях. После длительных переговоров («по многим съездам и пересылкам») границу решили установить в 1660 саженях («в трехаршинную меру») за рекой Ея в сторону Кубани. 15 октября комиссары «соехався на том месте... положили границу и учинили признаки» (межевые знаки) в 16 саженях друг от друга: русский – столб, обложенный «каменьем з землею», с крестом из железа во главе, османский – «курган каменьем же з землею» [РГАДА, ф. 89, оп. 3, д. 11, л. 3–8об.]. Таким образом все устье р. Ея с обоими берегами оказалось во владениях царя, что отвечало требованиям Петра I, высказанным в письме к И.А. Толстому от 14 сентября 1704 г. [ПБПВ, 1893, с. 719].

Согласно сведениям А.И. Ригельмана, одновременно было зафиксировано размежевание территорий и к западу (иногда указывается, что «к северу») от Азова. Здесь граница начиналась от устья р. Миус и прямо через степь шла до «развилки» р. Берды, затем – по ней до ее «вершины» (истока), переходила к истоку р. Конка («Конские Воды») и, следуя вдоль всего течения данной реки, завершалась в ее устье, т.е. на месте впадения в Днепр. Часть территории между реками Миусом и Берда к югу от проведенной границы считались нейтральными: «состоят из барьера, то есть ни в которой стороне не подлежащей» [Ригельман, 1918, с. 47].

¹ В историографии превалирует мнение о размерах отрядов поверенных в 3 человека; в отписке же И.А. Толстого к Ф.А. Головину, на которую опирается настоящее описание, четко указано: «полковнику... с товарищи четверем человеком, а от него Хасяна-паши... четверем же человеком» [РГАДА, ф. 89, оп. 3, д. 11, л. 3об.].

Хасан-паша отказался на месте обмениваться письменным подтверждением разграничения, которые требовалось закрепить «своими руками и печатми». Из отписки И.А. Толстого к Ф.А. Головину от 2 ноября 1704 г. видно, что ачувевский мухавыз опасался брать на себя ответственность в передаче России течения реки Еи. Он обещал написать в Константинополь и только по получении указа «салтанова величества» выслать в Азов требуемое «на ту границу утверждающее письмо» [РГАДА, ф. 89, оп. 3, д. 11, л. 8об.–9]. В итоге необходимый документ так и не был получен. По прошествии нескольких лет, в 1709 г., азовский губернатор писал: «... но аще оная граница от Хосяна-паши, ради его лукавства, писмом и не утверждена» [Аваков, 2011, с. 215].

В Поднепровье переговоры сопровождались ожесточенными спорами, которые растянулись на два года. Здесь разграничение также должно было проводиться силами местных приграничных правителей – украинским гетманом и силистрийским пашой. Еще весной 1704 г. от И.С. Мазепы выехали «знатные особы», у которых с турками «учинились некоторые споры... о безделице, чтобы ставить признаки и высыпать каменьем» [ПБПВ, 1893, с. 698]. Для решения возникших разногласий вновь привлекли Е.И. Украинцева. Однако застать осенью 1704 г. турецких переговорщиков на месте съезда он не успел [Гуськов, 2003, с. 304–305]. Руководство российской дипломатической службы, обеспокоенное задержкой и перспективой обострения русско-османских отношений, заранее планирует новый раунд переговоров на следующий год. Ф.А. Головин в послании к послу в Константинополе П.А. Толстому предписывает назначить новую встречу с переговорщиками в начале мая 1705 г., обещая прислать к тому времени и думного дьяка [ПБПВ, 1893, с. 218].

В назначенное время Е.И. Украинцев прибыл на Южный Буг, однако вновь не нашел там посланца силистрийского Юсуфа-паши. По требованию Петра I думный дьяк должен был дожидаться оппонентов в любом случае, а затем проводить переговоры, не взирая на какие-либо препятствия «даже до крайней осени» [ПБПВ, 1893, с. 218]. Ситуация осложнялась недовольством запорожских казаков, кошевой атаман которых Константин Гордиенко вступил в активную переписку с российским межевым комиссаром. По мнению атамана, установление любой границы приводило к утеснению казаков, терявших «исконные» промыслы в низовьях Южного Буга и Днепра. Выражалось недовольство и форматом контактов с запорожцами, которые не получили от царя персональной грамоты, гарантировавшей бы соблюдение их прав на переговорах. В какой-то момент со стороны казаков в адрес царского дипломата прозвучали даже угрозы, как для его жизни, так и для дела. После получения особой монаршей грамоты и подарков накал недовольства сечевиков значительно уменьшился [Грибовский, 2014, с. 193–194; Кордони Війська Запорозького..., 2004, с. 53].

В июле 1705 г. обе стороны, наконец, встретились на реке Южный Буг в урочище Мигийская скала. Прошлогодние споры вновь дали о себе знать, вылившись в многочисленные съезды делегаций, окончание которых сложно было предугадать. Требования турок о межевых знаках встретили отпор Украинцева, который, ссылаясь на 5 и 6 статьи Константинопольского мира, утверждал: «Однако же в договоре

постановлено, что быть тем местом и от Сечи Запорожской до Ачакова пустым, а границы между ими не имяновано» [ПБПВ, 1893, с. 957]. Проведение фиксированного рубежа, по его мнению, «принесет людям обоего народа великое смятение, и повседневную трудность, и хлопоты», так как отнимает у казаков и украинцев различные промыслы [РГАДА, ф. 9, отд. II, кн. 4, л. 697, 697об.]. Турецкий комиссар Ибрагим Эфенди-ага (Магмет-паша) ссылался на конкретность указаний дивана в отношении размежевания, на что думный дьяк предъявлял текст договора, который подписал сам султан [РГАДА, ф. 9, отд. II, кн. 4, л. 697об.–698об.].

Замедление переговоров вызвало недовольство руководства страны. В условиях продолжающейся Северной войны возобновление старого противостояния было неприемлемо. Ф.А. Головин направляет Е.И. Украинцеву требование согласиться с османскими условиями, подтвержденное в сентябре монархом: «Естли весьма ни на что Турки уступки не учинят, делать по их предложению» [ПБПВ, 1893, с. 442]. Однако думный дьяк, ссылаясь на запоздалый приход посланий, задерживает сообщение турецкому комиссару о согласии на установку «признаков» до прихода ответа из Стамбула на прежние условия. «И ныне мне... то дело, как великого государя указ повелевает, начать невозможно, чтоб они там паки не взгордились и болши непристойного своего запроса не всчали» [ПБПВ, 1893, с. 888]. Настойчивость русского дипломата принесла свои плоды. Межевая запись, которую обе стороны подписали 22 октября 1705 г., фиксировала границу исключительно «записми» «на сих писмах», без установки «копцов» или иных пограничных знаков. Сам Е.И. Украинцев в письме к Ф.А. Головину так подводил итоги дебатов: «...договор границе на писме, а не концами и не иными какими признаками учинился, и писмами договорными розменились» [ПБПВ, 1893, с. 1008].

Линия разграничения начиналась от «полских копцов» (межевых знаков), находившихся у впадения р. Синюхи в Южный Буг. Далее она шла до «Мигийской скалы» по Бугу и затем еще «два часа вниз» по нему же до впадения р. Ташлык («Камера», «Большая Канара», «Великий Канар»). Здесь, повернув почти точно на восток, «через степь» (или «полем») граница пересекала реки – Мертвую, Гнилой/Сухой Еланец («Баланча», «Янкуля», «Енкуль»)¹, Ингул («Большая Энкуль», «Великий Ингул»), Висунь («Улсун», «Исунь»), Ингулец («Малой Ингулец/Ингуль», «Малый Регул») и через «брод Бекенский» («Бегеневской перевоз»), находившийся в 10 часах езды от разрушенного Казы-Кермена, заканчивалась в устье реки Каменки («Оща») у ее впадения в Днепр («от Казыкерменских пустых мест до того места четыре мили»). Земли к югу от линии («по правой стороне») считались владением османского правителя, к северу («на левой стороне») – московского царя [РГАДА, ф. 89, оп. 3, д. 12, л. 12об.–13, 17об.–18; д. 13, л. 2об.–3].

Константинопольский мир завершил Русско-турецкую войну 1686–1700 гг. и подвел черту под активностью московской дипломатии XVII в. на южном направлении. Петр I, так и не сумев прочно закрепиться на азово-черноморских берегах, перенес

¹ В «межевой записи» ошибочно указывалось, что Еланец впадает в Ингул. На самом деле Гнилой и Сухой Еланцы напрямую являются притоками Южного Буга.

острие внешней экспансии России на северо-запад. Осуществление ратификации, хотя и с некоторой задержкой, а затем и реализации основных условий Константинопольского мира 1700 г. создали новую систему взаимодействия во всем черноморском регионе. Для России и Османской империи впервые была обозначена общая сухопутная стабильная граница, что привело к появлению «модели взаимоотношений», в рамках которой устанавливался «пограничный режим без участия таких второстепенных субъектов международных отношений, как Крымское ханство и Войско Запорожское Низовое» [Аваков, Сень, 2021, с. 389–390].

Отсутствие в процедуре ратификации и среди контрагентов договора крымского правителя свидетельствовало о снижении его статуса до уровня правителя вассального регионального полугосударственного образования. Ситуация была «закреплена» в ходе работы межевых комиссий, итоги работы которых зафиксировали представители исключительно российских и османских властей, как центральных (Е.И. Украинцев), так и региональных (азовский губернатор, ачувевский мухафыз Хасан-паша и представитель силистрийского правителя). В целом система проведенного разграничения позволила обоим государствам как сохранить зоны совместного использования территорий, так и провести, где это было необходимо, межевание земель с установкой пограничных знаков.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Аваков П.А. Северо-Восточное Приазовье в составе Российского государства в конце XVII–начале XVIII вв.: завоевание, колонизация и управление. Дис. ... к.и.н.: 07.00.02. Ростов-на-Дону, 2011. 358 с.

Аваков П.А., Кочегаров К.А. Уникальный чертеж Запорожской Сечи и крепости Каменный Затон начала XVIII века // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2021. № 2. С. 64–78.

Аваков П.А., Сень Д.В. Крымско-российские отношения и новая система международных договоров (1700–1772 гг.) // *История крымских татар. Том III. Крымское ханство XV–XVIII вв.* Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2021. С. 385–403.

Базарова Т.А. «Послать для своих великого государя дел...»: посольство Д.М. Голицына к Высокой Порте в 1701 году // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения*. 2021. Т. 26, № 2. С. 194–206.

Богословский М.М. Петр I. Материалы для биографии. Л.: Госполитиздат, 1948. Т. 5. 312 с.

Великанов В.С. Днепровский поход войск кн. Кольцова-Мосальского в 1700 году // *Научное наследие профессора А.П. Пронштейна и актуальные проблемы исторической науки: Материалы Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции (г. Ростов-на-Дону, 22–23 марта 2019 г.)*. Ростов-на-Дону: Альтаир, 2019. С. 571–577.

Грибовский В.В. От фронта к линейной границе: Разграничение степных владений Турции и России в 1704 и 1705 гг. // *Границы и пограничье в южнороссийской истории: материалы Всероссийской научной конференции (26–27 сент. 2014 г.)*. Ростов-на-Дону: Издательство ЮФУ, 2014. С. 187–199.

Гуськов А.Г. От Андрусово до Эгера: 45 лет на службе Отечеству (очерки жизни Е.И. Украинцева) // *Сборник русского исторического общества. Т. 9 (157). Мальтийский орден и Россия*. М.: «Русская панорама», 2003. С. 293–308.

Гуськов А.Г., Кочегаров К.А., Шамин С.М. Русско-турецкая война 1686–1700 гг. // *Российская история*. 2020. № 6. С. 30–49.

Кордони Війська Запорозького та діяльність російсько-турецької межової комісії 1705 р. (за документами РДАДА). Упор. В. Мільчев. Запоріжжя: Видавництво ВАТ «Мотор Січ», 2004. 80 с.

Курбатов О.А., Селезнев Ю.В. Справочник. Военные конфликты, кампании и боевые действия Русской армии 860–1700 гг. Т. 1. М.: Руниверс, 2019. 1209 с.

Письма и бумаги императора Петра Великого (ПБПВ). СПб.: Гос. тип., 1887. Т. I (1688–1701). 888 с.

ПБПВ. СПб.: Гос. тип., 1893. Т. III (1704–1705). 1065 с.

Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание I. Т. IV: 1700–1712. СПб.: Тип. II Отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. 881 с.

Ригельман А.И. Ростов на Дону 150 лет назад. Ростов-на-Дону: Ростовское-на-Дону о-во истории и древностей, 1918. 55 с.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 9. Отд. II. Кн. 4.

РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 27.

РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1699 г. Д. 4.

РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1699 г. Д. 7.

РГАДА. Ф. 89. Оп. 2. Д. 69.

РГАДА. Ф. 89. Оп. 3. Д. 7.

РГАДА. Ф. 89. Оп. 3. Д. 9.

РГАДА. Ф. 89. Оп. 3. Д. 10.

РГАДА. Ф. 89. Оп. 3. Д. 11.

РГАДА. Ф. 89. Оп. 3. Д. 12.

РГАДА. Ф. 89. Оп. 3. Д. 13.

РГАДА. Ф. 89. Оп. 3. Д. 14.

Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т. III. СПб.: Тип. II Отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1858. 661 с.

Cernovodeanu P., Caratafu M. Correspondance diplomatique d'Alexandre Mavrocordato l'Exaroprite: 1676–1703, in *Revue des études sud-est européennes*. 1984. Т. 22. № 4. Рр. 327–358.

REFERENCES

- Avakov P.A. *Severo-Vostochnoe Priazov'e v sostave Rossiiskogo gosudarstva v kontse XVII–nachale XVIII vv.: zavoevanie, kolonizatsiya i upravlenie* [The North-Eastern Azov region as part of the Russian state in the late 17th–early 18th centuries: conquest, colonization and governance]. Dis. ... k.i.n. Rostov-on-Don, 2011. 358 p. (in Russian).
- Avakov P.A., Kochegarov K.A. Unikal'nyi chertezh Zaporozhskoi Sechi i kreposti Kamennyi Zaton nachala XVIII veka [A unique drawing of the Zaporozhye Sich and the Stone Zaton fortress of the beginning of the 18th century], in *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2021. No. 2. Pp. 64–78 (in Russian).
- Avakov P.A., Sen' D.V. Krymsko-rossiiskie otnosheniya i novaya sistema mezhdunarodnykh dogovorov (1700–1772 gg.) [Crimean-Russian relations and the new system of international treaties (1700–1772)], in *Istoriya krymskikh tatar. Tom III. Krymskoe khanstvo XV–XVIII v.* [The history of the Crimean Tatars. Volume III. The Crimean Khanate of the 15th–18th centuries]. Kazan': Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT Publ., 2021. Pp. 385–403 (in Russian).
- Bazarova T.A. "Poslat' dlya svoikh velikogo gosudarya del...": posol'stvo D.M. Golitsyna k Vysokoi Porte v 1701 godu ["To send for their great sovereign affairs...": D.M. Golitsyn's embassy to the High Port in 1701], in *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universitetata. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2021. Vol. 26. No. 2. Pp. 194–206 (in Russian).
- Bogoslovskii M.M. *Petr I. Materialy dlya biografii* [Peter I. Materials for biography]. Leningrad: Gospolitizdat Publ., 1948. T. 5. 312 p. (in Russian).
- Velikanov V.S. Dneprovskii pokhod voisk kn. Kol'tsova-Mosal'skogo v 1700 godu [The Dnieper campaign of the troops of prince Koltsov-Mosalsky in 1700], in *Nauchnoe nasledie professora A.P. Pronshteina i aktual'nye problemy istoricheskoi nauki: Materialy Vseros. (s mezhdunar. uchastiem) nauchno-prakt. konf. (g. Rostov-na-Donu, 22–23 marta 2019 g.)* [The scientific heritage of Professor A.P. Pronstein and current problems of historical science: Materials of the All-Russian (with international participation) scientific and practical conference (Rostov-on-Don, March 22–23, 2019)]. Rostov-on-Don: Al'tair Publ., 2019. Pp. 571–577 (in Russian).
- Gribovskii V.V. Ot frontira k lineinoi granitse: Razgranichenie stepnykh vladenii Turtsii i Rossii v 1704 i 1705 gg. [From the frontier to the linear border: The Delimitation of the Steppe possessions of Turkey and Russia in 1704 and 1705], in *Granitsy i pogranich'e v yuzhnorossiiskoi istorii: mater. Vseros. nauchn. konf. (26–27 sent. 2014 g.)* [Borders and Borderlands in South Russian History: Materials of the All-Russian Scientific Conference (September 26–27, 2014)]. Rostov-na-Donu: YuFU Publ., 2014. Pp. 187–199 (in Russian).
- Gus'kov A.G. Ot Andrussovo do Egera: 45 let na sluzhbe Otechestvu (ocherki zhizni E.I. Ukraintseva) [From Andrusovo to Eger: 45 years in the service of the Fatherland (essays on the life of E.I. Ukraintsev)], in *Sbornik russkogo istoricheskogo obshchestva. T. 9 (157). Mal'tiiskii orden i Rossiya* [Collection of the Russian Historical Society. Vol. 9 (157). The Order of Malta and Russia]. Moskow: Russkaya panorama Publ., 2003. Pp. 293–308.

- Gus'kov A. G., Kochegarov K.A., Shamin S. M. Russko-turetskaya voina 1686–1700 gg. [Russian-Turkish War of 1686–1700], in *Rossiiskaya istoriya*. 2020. No. 6. Pp. 30–49 (in Russian).
- Kordoni Viis'ka Zaporoz'kogo ta diyal'nist' rosiis'ko-turets'koi mezhovoï komisii 1705 g. (za dokumentami RDADA)* [On the border of the Zaporozhye Army and the activities of the Russian-Turkish mezhevoy Commission of 1705 (according to the documents of the RGA-DA). Upor. V. Mil'chev. Zaporizhzhya: VAT "Motor Sich" Publ., 2004. 80 p. (in Ukrainian).
- Kurbatov O.A., Seleznev Yu.V. Spravochnik. *Voennyye konflikt, kampanii i boevyye deistviya Russkoi armii 860–1700 gg.* [Guide. Military conflict, campaigns and military operations of the Russian Army of 860–1700.] Vol. 1. Moscow: Runivers Publ., 2019. 1209 p. (in Russian).
- Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikago (PBPV)* [Letters and papers of Emperor Peter the Great]. St. Petersburg: Gos. tip., 1887. Vol. I (1688–1701). 888 p. (in Russian).
- PBPV*. St. Petersburg: Gos. tip., 1893. Vol. III (1704–1705). 1065 p. (in Russian).
- Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii (PSZRI)* [The Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobranie 1-e. Vol. IV: 1700–1712. St. Petersburg: V tipografii II Otdeleniya S.E.I.V. Kantselyarii, 1830. 881 p. (in Russian).
- Rigel'man A.I. *Rostov na Donu 150 let nazad.* [Rostov-on-Don 150 years ago]. Rostov-on-Don: Rostovskoe-na-Donu o-vo istorii i drevnostei Publ., 1918. 55 p. (in Russian).
- Russian state archive of ancient acts (RGADA). F. 9. Otd. II. Kn. 4.
- RGADA. F. 89. Inv. 1. Kn. 27.
- RGADA. F. 89. Inv. 1. 1699 g. D. 4.
- RGADA. F. 89. Inv. 1. 1699 g. D. 7.
- RGADA. F. 89. Inv. 2. D. 69.
- RGADA. F. 89. Inv. 3. D. 7.
- RGADA. F. 89. Inv. 3. D. 9.
- RGADA. F. 89. Inv. 3. D. 10.
- RGADA. F. 89. Inv. 3. D. 11.
- RGADA. F. 89. Inv. 3. D. 12.
- RGADA. F. 89. Inv. 3. D. 13.
- RGADA. F. 89. Inv. 3. D. 14.
- Ustryalov N.G. *Istoriya tsarstvovaniya Petra Velikogo* [The history of the reign of Peter the Great]. Vol. III. St. Petersburg: V tipografii II Otdeleniya S.E.I.V. Kantselyarii, 1858. 661 p. (in Russian).
- Cernovodeanu P., Caratafu M. Correspondance diplomatique d'Alexandre Mavrocordato l'Exaporite: 1676–1703, in *Revue des études sud-est européennes*. 1984. Vol. 22. No. 4. Pp. 327–358.

Статья принята к публикации 14.11.2022 г.